

Глава 1

Город изменился. Внешне вроде бы все так, как и было — кто-то спешит по делам, лавируя среди прохожих, кто-то неспешно шагает, поглядывая на витрины лавок и магазинчиков (обычно это приезжие, их сразу отличишь по непривычным одеяниям и нездешнему оружию). Запах жарящегося мяса и рыбы — торговцы снедью стоят буквально через двадцать-пятьдесят шагов и явно не бедствуют, народа много, и у них всегда что-то покупают. Лавки торгуют всем, чего душенька пожелает — люди входят и выходят, и видно, что заходили не ради пустого словца. Таверны и дорогие рестораны полны посетителями — мужчины и женщины сидят на террасах и внутри помещения (больше всего на террасах, благо что солнце закрыли облачка и с реки потянул прохладный ветерок) и с видимым удовольствием поглощают всевозможные яства.

Готовить в городе любят и умеют, таверна, в которой служит плохой повар, обречена на вымирание, так что это естественный отбор в действии. Впрочем, возле порта есть такие забегаловки, в которых лучше ничего и не пробовать — или пронесет, или будешь мучиться изжогой минимум трое

суток. Но зато там дешево — как раз для пропившихся, обобранных до нитки матросов и грузчиков. Там можно записать на себя в долг и после заработка отдать причитающуюся хозяину таверны сумму — само собой разумеется, в полуторном размере. Иначе зачем риск?

Откуда-то привалили целые толпы девиц легкого поведения — они цепляются к наемникам почище, тем, кто выглядит человеком, способным выделить хотя бы мелкую серебряную монетку на свои постельные утехы. И находят клиентов так же, как торговцы жареной рыбой. Если в мире и есть что-то постоянное, так это спрос на еду и секс. Жрать и размножаться — извечное желание любого живого существа. Впрочем, только человек поставил процесс размножения на коммерческую основу.

Кстати, насчет постельных утех — это громко сказано. Большинство девиц готовы подставить свою потную задницу в первой же подворотне всем за небольшие деньги. И не только задницу. В городе вдруг возник переизбыток шлюх, и цены на их услуги неминуемо упали. Впрочем, может быть, дело даже не в переизбытке жриц любви, а в том, что уровень покупательной способности клиентов катастрофически упал. Наемники, золотоискатели, весь этот сброд, заплонивший город, экономит каждый медяк, оставляя деньги на покупку коней, снаряжения для копки шурфов и постройку специальных сооружений, помогающих золотоискателю отделять золотые крупинки от пустой породы.

В воздухе витает золотой угар. В тавернах по секрету продают карты, которые указывают на зо-

лотоносные пески и жилы, и этих карт уже десятки и сотни. По легенде, которую нашептывают на ухо недотепам ушлые жулики, эту карту он снял с трупа золотоискателя, тащившего на себе мешок с золотыми самородками и не выдержавшего долгой дороги. А продает карту только потому, что ему не на что купить снаряжение, да и вообще, его мать больна и зовет ехать на юг, чтобы скрасить ее последние дни. А он, как и всякий добрый сын, не может отказать ей в последней воле, так что... заплати двадцать золотых и давай крепи свое благосостояние! Нет двадцати? Ну пятнадцать! Десять! Пять золотых!

Но, кроме того, народ будоражит слух о том, что Степь поднялась. Там появился Объединитель Родов, и степняки, которые уже лет пятьдесят (или больше) только лишь вяло покусывали границы Империи, серьезно вознамерились покарать белых мягкотелых имперцев. За что покарать? Да просто за то, что они существуют. За то, что богаче, за то... что просто хочется кушать.

Жизнь в степи трудна и безрадостна. Охота, животноводство, добыча камней и того же золотишка — чем еще может жить степняк? А если засуха? А степные пожары? А падеж овец, лошадей, коз? А эпидемии, которые, бывает, выкашивают целые роды и против которых бессильны самые могучие шаманы? Выгоревшая желто-коричневая равнина с редкими деревьями и оазисами на том месте, где вода относительно близко подходит к поверхности земли, — вот тот мир, в котором живут степняки, обходясь в жизни только лишь самым необходимым. А под боком — мягкотелые, глупые, изнеженные белые имперцы, дома кото-

рых полны ценными вещами, которых нет у степняков! Пойди и возьми все, что тебе захочется! В том числе и женщин имперцев — тоже изнеженных, не приспособленных к степной жизни, но зато сладких, нежных, умелых в постельных игрищах. Они со своими похожими на женщин мужчинами и знать не знают, что такое объятия настоящего, сильного мужчины-степняка, жеребца, способного покрыть целое стадо этих белых красоток! Красивую женщину можно продать в гарем или использовать в своем шатре, пока не придет в полную негодность. У имперцев слабые животы, они начинают болеть на обычной степной пище — мясе, кислом молоке и крови. Беспольный, никуда не годный народ.

Одно лишь обстоятельство останавливает степняков: имперцев слишком много, и надо отдать им должное — драться они умеют. Все, что остается на долю степняков — это поймать караван торговцев и как следует его пограбить. Или просто случайных путешественников. Но в последние годы и это стало смертельно опасно: имперцы стерегут свои границы, и сильные патрули постоянно перемещаются в приграничной зоне.

Впрочем, и границы-то никакой нет. Она абсолютно условна. Просто как-то повелось, что выше по течению реки, именуемой имперцами Каной, где-то в пяти днях пути вверх начинается Великая Степь и кончается Империя Ассан. Крайним пунктом границы считается сторожевой пункт Агроган, в котором постоянно находится небольшой гарнизон примерно в двести всадников. Они дежурят по месяцу, потом меняются — все бойцы принадлежат к Имперской пограничной страже, однако содер-

жание пункта ведется из двух источников — имперской казны и городской, муниципальной, города Вальдаса, степной «столицы» Империи Ассан, последнего крупного города между Степью и Империей. Считалось, что сторожевой пункт одновременно защищает и город, и саму Империю, так что общее финансирование — это нормальное явление. Спорный вопрос, но... как повелось, так повелось, хотя муниципалитет Вальдаса вечно ворчит по этому поводу. Негромко, но постоянно.

* * *

Меня никто не остановил, когда я шел по улицам Вальдаса. Даже проститутки, которых здесь было столько, что казалось — я попал в огромный бордель. Девицы высовывались из окон, демонстрируя вываленные груди, похожие на рыхлые куски теста, стояли у стен домов, время от времени задирая подол якобы для того, чтобы почесать колено, но на самом деле демонстрируя свою «красоту», то бишь товар лицом, просто бродили по улице и приставали к потенциальным клиентам. Я выглядел невзрачно в своем старом дорожном плаще, под которым не было видно ни камзола, ни оружия, по которым легко определить благосостояние клиента. А уж моя физиономия — сморщенная, похожая на печеное яблоко, — никак не располагала к более тесному общению. Да и глаза, каким-то образом сделавшиеся фиолетовыми, здешний народ откровенно пугали. По легендам, как я знаю, фиолетовыми глазами обладали люди, одержимые демонами. Ну вот одержал демон человека — тот и зафиолетовел. Делов-то!

Кстати, что-то в этом на самом деле есть. Ведь, с точки зрения здешних людей, я не что иное, как одержимый демоном человек. Демон из другого мира вселился в тело Альгиса. Может, и правы легенды? Может, это и есть признак попаданца? Надо будет присмотреться к таким... с фиолетовыми глазами. Может, кого знакомого встречу. Вот было бы забавно встретить кого-нибудь из сослуживцев! Хе-хе... И ничуть не шутка. Если уж я что и понял за последние месяцы, это то, что ничего невозможного в мире нет. А еще — это то, что рассказы о загробном мире не такие уж и рассказы. Иначе бы меня тут не было.

Извозчика нанимать не стал — идти не очень далеко, от порта, вернее, от парома — километра четыре, не больше. Хорошим шагом меньше чем за час доберусь.

И добрался, несмотря на толчею и постоянную опасность попасть под груженую телегу тяжеловоза. Они тут совсем какие-то очумелые, возьмут да и припустят свой грузовик по мостовой так, что только искры из-под колес сыплются. А уж грохот стоит! Между прочим, насколько я знаю — муниципалитет запретил ломовикам устраивать такие гонки по городским улицам. И проходим опасность, и честные горожане не могут прикорнуть после обеда в своих домах — такой грохот разбудит и мертвеца. Но эти мерзавцы плевали на распорядение, как, впрочем, и городская стража, которая якобы должна смотреть за порядком, а в том числе и за тем, чтобы извозчики вели себя в рамках закона. Нет, ну не «якобы» — должна, но, честно сказать, им глубоко плевать на всяких там извозчиков и прочую мелкую шелупонь. Они делают

свой маленький гешефт, докапываясь до приезжих и собирая мзду с проституток.

Дело в том, что каждая проститутка должна иметь что-то вроде паспорта, разрешения на работу, и между прочим — с постоянным осмотром у лекаря. То есть проституция, как, к примеру, некогда в Российской империи, в Империи Ассан была поставлена на промышленные рельсы — «желтый билет», осмотры у врачей, налоги в казну. Вернее, патент, оплачиваемый ежемесячно. Но хорошо если десять процентов из проституток имеют этот самый патент и осматриваются у лекаря, и это только лишь девицы из дорогих стационарных борделей. Уличные шлюхи работают на свой страх и риск, расплачиваясь со стражей или деньгами, или услугами.

Таверна «Усталая лошадь» не принадлежала ни к дорогим заведениям, ни к дешевым — заведение средней руки, с очень недурной, хотя и незамысловатой кухней, неплохим, но не самым дорогим вином, с музыкантами, которые играли весь вечер, со шлюхами, которые были в том числе и подавальщицами (почему бы не подработать и тем, чем одарила тебя природа?). В общем, обычный кабак для наемников и купцов, в котором можно и переночевать, если не брезгуешь спать в номере, которые использовали в том числе и для быстрого секса, и этим самым быстрым сексом разжиться — чуть дороже, чем на улице, но гораздо дешевле, чем в официальном борделе. И притом не рискуя остаться без гроша или налететь брюхом на нож, что на улице бывает очень даже нередко (девицы заманивают в укромный уголок, а там...).

Популярное заведение. Особенно сейчас, когда город наводнен искателями удачи и продавцами «холодного железа», то есть наемниками, продающими свои услуги бойцов. В том, что заведение популярно, я убедился сразу, когда вошел внутрь и осмотрелся по сторонам. Битком забито! Тяжелые дубовые столы, каждый на восемь человек вместимостью, были «обсижены» компаниями по десять, а то и двенадцать седоков. Люди играли в кости и карты, пили пиво, вино, ели, разговаривали и хохотали — шум стоял такой, что услышать голос можно было, только повысив его до уровня крика.

Человека, который мне нужен, я заметил сразу. Его трудно было не заметить — уж больно габаритный это был тип. Двухметрового роста, в плечах, как говорится, косая сажень, мрачный взгляд исподлобья и кулаки — каждый размером с дыню, попробуй не заметишь такого! Он стоял в углу, сложив руки на груди, и наблюдал за происходящим в зале. Нет, громила не был посетителем. Кольчуга-безрукавка под кожаным жилетом, заштопанная в нескольких местах, стальные наручи, кожаные перчатки без пальцев с металлическими накладками на костяшках, высокие сапоги, закрывающие колени и явно защищенные изнутри стальными пластинами — типичный вышибала, каких в городе не один и не два — десятки. Наемники — существа буйные, беспредельные, многим терять уже нечего, а после выпитого и скуренного у них едет крыша, так что хороший вышибала ценится чуть ли не на вес золота. Тут ведь как: главное — это не выбить дебошира из заведения, главное — предотвратить дебош. А когда предотвратить нельзя — сделать так, чтобы последствия были как можно более без-

обидными. Сравнительно безобидными, конечно. Синяки и ушибы гораздо более приемлемы, чем ножевое ранение и уж тем паче сломанная шея. Так-то городская стража лояльно относится к большинству заведений, понимая специфику работы, а еще — получая бесплатное угощение, но всему есть свой предел. Если из таверны ежедневно выносят трупы, кому нужны такие проблемы? Такое заведение лучше закрыть, чтобы начальство не трепало нервы страже и муниципалитет не трепал нервы начальству. То есть вышибала должен быть сильным, ловким, но еще и умным — хорошим переговорщиком, одним своим видом и словом прекращающим большинство назревающих свар.

Я пошел между рядами большого зала, подыскивая себе местечко, и минут через десять мои труды увенчались успехом — с одного из стульев сверзился в дупель пьяный наемник и застыл, похрапывая и пуская слюни прямо на полу. Его товарищи — их было четверо — заметили такой конфуз (правда, не сразу) и, с сожалением встав с места, подняли незадачливого соратника и потащили его к выходу. Освободились сразу четыре места, к которым тут же устремились четверо жаждущих холодного пива парней. Но я был ближе, так что сразу занял место с торца стола, потому одному из парней пришлось «обломаться». Впрочем, он не пожелал смириться со своей несчастной судьбой и тут же с ходу на меня наехал:

— Эй, ты, урод! Свали отсюда! Не видишь, мы здесь компанией отдыхаем! А ты один! Поищи себе другое место, а не то...

— А что — не то? — спросил я негромко, своим сильным голосом Тихого.

— Да я тебе...

Закончить он не успел. Его руку у плеча сжала огромная лапища, и низкий бас пророкотал:

— Возьми стул вон там, у стены, и садись, места всем хватит. Парень сел раньше, не трогай его. Или уходи.

Наемник посмотрел снизу вверх, хотел что-то сказать, но под тяжелым взглядом вышибалы при- тух и покорно пошел к стене у кухни, где и вправду стояли несколько запасных стульев. Через пять минут все сидели за столом, а подавальщицы быстро и ловко убрали со стола объедки и грязные чашки, оставшиеся от предыдущих клиентов.

— Что будешь заказывать? — спросила меня розовощекая пухлая девица с невероятным по размеру декольте — груди были видны до самых сосков.

— Дай мне похлебку и пирогов с мясом, — попросил я и, на секунду задумавшись, добавил: — Еще сладкого пирога и какого-нибудь сока. Похолоднее.

Подавальщица унеслась выполнять заказ, а я снова занялся разглядыванием зала и стоявшего в углу вышибалы. Как мне до него добраться? Как подать знак? И надо ли это делать сейчас, при всех?

Заказ принесли довольно-таки быстро, и я с удовольствием начал есть горячую, густую похлебку, заедая ее пирогами с мясом. Пряная начинка, острый суп — такой острый, что у меня даже пот на лбу выступил, — все это располагало к тому, чтобы как следует попить. Или выпить. На то, видимо, и был расчет — что это за посетители, если мало пьют? А чтобы возбудить жажду, нужно как следует перчить все блюда. Не в ущерб качеству, конечно. Маленькая хитрость, никому не достав-

ляющая неудобств. Большинство людей любят острое — и я в том числе.

Сок был ледяным, кисловатым и хорошо утолял жажду. Все вокруг пьют пиво или вино, но я — не все.

Мои соседи уже хорошенько набрались, видимо, плеснули винца на голодный желудок, и теперь громко обсуждали какого-то Петкуса, прижми-стого и даже жадного типа, неспособного понять широкую душу наемника. Они ради него свои жизни не берегут, от разбойников охраняют, а он премиальные им жалеет, скотина толстомордая!

Я слушал краем уха, доедая сладкий пирожок с ягодами вроде брусники (скорее всего, она и была), и думал только о том, как передать вышибале записку и не вызвать ни у кого подозрения. Ни к чему пока не пришел и, когда мой сосед обратился ко мне с каким-то вопросом, прослушал и переспросил:

— Извини, ты что-то сказал?

— Сказал! — Сосед, тот самый парень, которого заставили взять дополнительный стул, вытаращился на меня с выражением полного омерзения и ненависти. — Сказал, что таких, как ты, уродов нельзя пускать в приличные заведения! Ты мне портишь аппетит свой поганой мордой, ублюдок! Не свалить ли тебе отсюда, пока я тебе башку не разбил?!

— Орас, отстань от несчастного... ему и так досталось от жизни, — поморщился его соратник. — Ешь и пей, хватит искать на жопу приключений! Щас еще вышибала придет!

— Вот он и прячется за вышибалу, сучонок! Уродина поганая! — прошипел парень, которому на вид было лет двадцать пять. Вроде вполне раз-

умный парень должен быть по возрасту, и туда же. Не мальчик. Алкоголь в башку ударил, что ли?

— Пошли выйдем, урод! — продолжал упорствовать парень. — Или у тебя яиц нет?! Пойдем, я тебе покажу, как чужое место занимать!

— Пойдем, — равнодушно пожал я плечами. — Ты как хочешь драться? На ножках? На мечях?

— На мечях! — торжествующе хохотнул парень. — Ну, все! Попал ты, парень!

— Попал так попал... — вздыхаю я, дожевывая последний кусочек пирога. М-да... с полным животом драться как-то... хмм... неудобно.

— Все в порядке? — прогудел над столиком бас.

— Все в порядке, — кивнул я. — Мы сейчас уходим. Разрешим свой спор на улице.

Вышибала внимательно на меня посмотрел, кивнул, вернулся в свой угол, бесстрастный и холодный, как каменная статуя. Да, он всегда отличался абсолютным холодным безразличием к происходящему вокруг, даже если это была смертельная схватка. Максим считает, что он уже давно умер, а если ты умер, так чего тогда волноваться? Ведь самое страшное уже случилось. Хотя тут я бы с ним поспорил — смерть еще не самое страшное, что может случиться с человеком.

Я встал и пошел к выходу, раздумывая о том, что в принципе то, что задумал, сделал. Мне нужно было убедиться, что нужный человек на месте, как мы с ним и договаривались. Максим на месте. Теперь технические детали — как передать ему записку. Но это несложно. Найду какого-нибудь мальчишку, дам ему записку и пару монет, и он доставит это письмо по назначению. А потом можно идти домой, в замок.

— Шагай быстрее! — прервал мои мысли глумливый голос, и я почувствовал тычок в спину. Ну, все... хотел я оставить его в живых, но теперь... каждый заслуживает то, что он... заслуживает. И только так. Не люблю хамов. Просто бешусь от хамства.

Я вышел на улицу, огляделся. Солнце слепило глаз, и пришлось как следует поморгать. Я вообще не люблю яркий свет, зато и вижу в темноте почти как кошка. Такая вот особенность у моих глаз. Для улицы не очень пригодная, а для тоннелей в стенах замка — в самый раз. Чему я несказанно рад.

— Сюда давай, в переулок! Ну, быстрее, урод! — шагаю туда, куда мне было предложено, и через пару минут останавливаюсь, оборачиваясь и суя руку под плащ. Ладонь легла на шершавую рукоять меча, и он тут же откликнулся:

— Привет, хозяин! Давненько мы с тобой не веселились!

— Давненько, Лед, — подтверждаю я мысленно, слушая какую-то хрень, исторгаемую мокрым ртом моего обидчика. Он несет что-то про грязных уродов, которые мешают жить людям, про мои сексуальные перверсии с животными и мужчинами, про мою семью, которая явно такая же, как я, уродская и такая же извращенная. Не понимаю этого. Чего болтать? Решил убивать — так убивай, а не подстраивай под это базу! Не надо чуши, не надо грязи — просто вставай в позицию, и понеслось!

В позицию он успел встать. Больше ничего не успел. Лед — тонкий, будто шпага, никогда не затупливающийся и прочный, как стальной лом, — пропел в воздухе и взрезал горло противника ровно там, где проходит сонная артерия. Фонтаном брызнула кровь. Парень зажал руками тонкий раз-

рез, между его пальцами заструилась, просочилась ярко-алая артериальная кровь. Жить ему оставалось минуту, ну может, чуть больше.

Я не стал дожидаться его смерти, даже того, чтобы он свалился на землю — просто обошел стороной и пошел прочь, автоматически встряхнув на ходу клинком — кровь надо удалить. Капли крови, которые попадут в ножны, неминуемо протухнут, и от них будет нести дохлятиной. А это не есть хорошо.

— Эй, ты чего?! Парни, он его убил! Убил!

Навстречу мне вышли те самые трое, что сидели рядом с моим обидчиком. Видимо, он уже упал (я не видел этого), потому первый, кто попался мне навстречу, всполошился и тут же потянул из ножен широкий полторный меч. Мужик был крепким, плечистым, так что меч казался ему под стать. Серьезный боец.

— Стоять! — крикнул он и встал в стойку, которая на Земле звалась «Глупец» или «Дурак». Коварная стойка. Меч опущен острием к земле практически вертикально, и кажется, что его хозяин не намерен напасть или даже защититься. Опасное заблуждение! Из этой стойки можно нанести молниеносный удар! Или прикрыться, если на тебя нападут.

Я на Земле интересовался средневековым фехтованием — всегда имел тягу к холодному оружию. Так что кое-что в этом вопросе соображаю. Да и тут получил очень хорошую школу — и от Кендала Оуга, Мастера над оружием, и от моего учителя, целителя и мага. Кстати, надо будет к нему зайти. Но... позже. Не хочу раскрывать свое инкогнито, ведь на мне сейчас магическая маска, я не похож на себя «оригинального».

— У нас был бой один на один, я выиграл, — шепчу я бесцветным голосом. — Дайте мне уйти, и никто не умрет.

— Никто не умрет?! Ты умрешь! — цедит противник и делает почти незаметный шаг вперед, перенося вес на правую ногу. Сейчас он попробует подсечь мне ноги, а потом... потом добьет то, что останется.

Само собой я этого не жду. Меч поет, завывает, предвкушая новое угощение! Живой меч очень прожорлив и любит человеческие души. И с каждой душой становится все сильнее и проворнее. И умение его растет. А умение он передает мне. Потому человек с живым мечом практически непобедим в поединке. Если только не ударить в спину или не пустить стрелу. Но лучников я не вижу, и за спиной у меня только вздрагивающий в последних усилиях удержать жизнь холодеющий труп.

Р-раз! Мой меч отрубает руку мужчины выше запястья — прямо через наруч, Лед его даже не заметил, настолько остер.

Два! Обратной походкой Лед сносит парню полголовы со стороны затылка. Все, бой закончен.

Но остались еще двое. Смотрю на них с вопросом — итак? Что будем делать?

— Без претензий, парень, — гудит один из них, тот, что защищал меня за столом. — Два дурака! Вечно куда-то влипали, вот теперь и дождались. Будешь их чистить?

Я вначале не понял вопроса, потом отрицательно помотал головой. Нет, обшаривать карманы не собираюсь. И противно, и незачем — денег у меня больше, чем мне нужно. И золота.

Вытираю меч об одежду уже затихшего трупа, вкладываю меч в ножны и осторожно обхожу наемников по дуге, готовый к любой неожиданности. Но ничего не происходит — наемники теперь заняты обшариванием трупов товарищей. А может, не товарищей, а просто сослуживцев.

Бог им судья. Не знаю их отношений, а только определено — если трупы останутся здесь лежать, то через несколько минут на них не останется ничего ценного, а потом исчезнет и одежда. Вон, уже маячат на горизонте несколько забулдыг, вечно обретающихся возле таверн. Оберут трупы за милую душу, чертовы стервятники.

Мальчишку-посыльного я нашел в помощниках у зеленщика, стоявшего у продуктовой лавки со своим передвижным «магазином». Мальчишке дал пять мелких медных монет, пообещав, что, когда он доставит ответ, добавлю еще пять таких же. Тот понесся бегом в нужном направлении и вернулся минут через пятнадцать с тем же листком бумаги, на котором было написано: «Понял. Максим».

Все, теперь можно было со спокойной совестью отправляться домой. Дело сделано. Теперь у меня под рукой будет на одного верного человека больше.

Глава 2

Лошади хрипят, задыхаются, мокрые, как после дождя. Пена из оскаленной пасти летит на твердую, покрытую пожухлой травой землю. Но Скарла погоняет свою лошадь, а за ней скачут две лошади бок о бок, скрепленные специальным устройством

для перевозки раненых. На этом устройстве лежит та, которую Альгис назвал «Барбарой» — белокожая (слишком белая!), голубоглазая (это ненормально!), длинноногая (это неудобно — как на таких ходулях стоять на земле?! А как сидеть на коне с такими прямыми ногами?!) и абсолютно бесчувственная. Просто живой труп, да и только. Она ест только тогда, когда ей сунешь еду в рот, и только мягкую еду вроде кашицы. Тогда Барбара ее глотает. Пьет тоже, только когда жидкость польется в глотку.

А в остальном... в остальном все печально. Делает она под себя, и приходится мыть ее каждый раз, как Скарла останавливается у источника. Не потому мыть, что Скарла такая уж ревнительница чистоты, нет — мухи. На запах слетаются сотни, тысячи мух, и нет от них спасения. И это все большая проблема.

Но не больше, чем ЭТА. Скарла чувствовала, что кто-то идет по ее следу, но заметила преследователей только после третьей ночевки. Вначале они находились на грани видимости, а потом осмелели, а может, получили соответствующий приказ и теперь преследуют ее во весь опор. И кони у них посвежее, чем у Скарлы, или посильнее. С каждой минутой преследователи все ближе и ближе, а кони Скарлы уже на пределе, вот-вот начнут спотыкаться и падут. По такой жаре, после длительного перехода — что с них спрашивать? Несчастные животные отдали человеку все, что они могли дать — и саму жизнь. Но когда выбираешь, твоя жизнь или жизнь твоих лошадей, выбор очевиден.

Наконец это произошло. Кобыла под Скарлой всхрапнула и стала сбавлять ход, потом споткну-

лась и улеглась — благо что медленно, так что старуха успела с нее соскочить. Соскочить и приготовиться к бою. Так просто она не сдастся!

В левую руку кинжал, в правую короткий степной меч, чуть искривленный, с утолщением к острию, чтобы удобнее было рубить. Ну, теперь она готова к смерти! Чертоги Небесного Царя ждут воина, павшего в битве с мечом в руках! И пусть имперцы говорят, что нет такогорая для воинов, что рай совсем другой — сад, в котором гуляют праведные души, наигрывая на дудках или лиарах, — Скарла знала, что есть такой рай, где скачут на конях, где в яростном вихре клинков сходятся воины в сверкающих доспехах и где доблестные воины пируют после битвы, мгновенно залечив свои раны божественным дыханием. Да, она изменила своему народу — не сама, так получилось, — но веру свою не предала. И потому может рассчитывать на воинский рай, не делающий различий между мужчинами и женщинами. Главное — чтобы воин погиб в бою с мечом в руках, а что там у него между ног, это дело совершенно третье.

Их было пятеро — бывалые, опытные, обожженные солнцем и высушенные ветром. Скарла знала, кто это такие — это Ловцы людей. И по большому счету ничего против них не имела — работа есть работа. Торговцы торгуют, шахтеры добывают уголь, убийцы из гильдии убийц берут заказы на людей, а Ловцы этих самых людей ловят. Другой вопрос — кто их послал? И зачем? Если просто доставить в столицу — это одно. Если допросить на месте и узнать информацию — другое. В первом случае ее будут пытать в столице, опытные, умелые палачи имперского дознания. Эти владеют специ-

альной магией, и допрашиваемый никогда не умирает у них в руках, пока те этого не захотят. Ходят легенды о том, как искусны эти умельцы. У человека уже и ноги отрезали, и по пояс нет тела, кишки валяются на полу, а он все живет, может говорить, может жить столько, сколько понадобится палачам.

Во втором случае допрос на месте. Без всяких изысков вроде магии, но ничуть не менее болезненный и смертельный. Никто не выживает ни в том случае, ни в другом. Ловцы тоже умеют допрашивать, только делают это грубее и грязнее.

Скарла не собиралась попадать им в руки и, как только почувствует, что конец близок, сама пере режет себе глотку. Или воткнет кинжал в сердце.

Барбара? А она ничего и не почувствует. Насиловать ее бесчувственное тело они вряд ли будут — побрезгуют, тем более что последние часы больная ощутимо пованивала, просто перережут глотку да и бросят посреди степи. А лисы и волки довершат начатое людьми.

Скарле много лет. Слишком много, чтобы она могла противостоять пятерым опытным бойцам. Когда-то она еще могла бы продержаться минут пять и даже уложить парочку из пятерых — пусть они и опытные-разопытные бойцы. Ведь Скарла в переводе со степного языка «Жара». Она была очень жарким бойцом, и то, что ее некогда захватил карательный отряд Клана, ничего не значит. Для стрелы все равно, какой ты опытный боец. Она не разбирает — летит и вонзается туда, куда ее послал хозяин. И если бы не Глава Клана, вылевивший ее на последнем издыхании, Скарла давно не просто была бы мертва — не осталось бы и косточек, изгрызенных зверями или растащенных

речными хищными рыбами. Ведь рабов не хоронят, их просто бросают в реку, которая вскипает кровавым водоворотом вокруг брошенного в нее мертвого тела.

Ловцы подъехали неспешным шагом, им уже некуда торопиться. Добыча вот она, не уйдет. Старший — высокий худой мужчина в шапке с лисьими хвостами и безгубым ртом. Он спешил, посмотрел на лошадь, покрытую пеной и тяжело дышащую, сочувственно прицокнул языком:

— Не повезло, да. Надо было тебе взять степных лошадей, как мы. Имперские по такой жаре долго не выдерживают.

— Заткнись! И делай свое дело! — холодно процедила Скарла. — Попробуй меня взять!

— Возьмем, — безразлично кивнул мужчина. — Сейчас достанем арканы, набросим... часть ты отобьешь, но какой-нибудь, да зацепит. Ну а дальше все как всегда. Ты не первая и не последняя. Работа такая, ничего личного.

— Повезете в столицу? — так же холодно осведомилась старуха.

— Зачем? — поднял брови худой. — Ты и здесь нам все расскажешь.

— А если я и так вам расскажу... без пыток? — осведомилась Скарла, стараясь как можно больше потянуть время. Пусть и минута жизни, а ее! За минуту многое может измениться.

— Я сожалею, — бесстрастно ответил охотник. — Мы должны убедиться, что ты не соврала. А это можно сделать только пытками. Но обещаю — как только мы закончим, я тебя убью. Не оставлю умирать на солнце. В конце концов, мы же не звери, это просто работа.

— А с ней что будет? — Скарла кивнула на тканевый сверток между лошадыми.

— Она умрет безболезненно и тихо, — кивнул охотник, вздохнул и приказал: — Мадас, Оди, давайте начинать. Время уже к вечеру, а нам еще работы выше головы.

Скарла стиснула зубы и приготовилась. Мужчины (они были примерно такого же возраста, как и предводитель — 30–40 лет) отвязали от седел волосяные веревки, уложенные кольцами, и у Скарлы заньло внутри — обычные пеньковые веревки она еще могла надеяться разрубить, но волосяные... волос очень крепок и сопротивляется разрезанию. А что еще она могла ожидать? Араканы, в общем-то, и делают из волосяных веревок.

Мужчины разошлись в стороны, взяли арканы в руки и начали раскручивать свое оружие. Скарла отвлеклась на них и едва не пропустила снаряд из пращи, который запустил один из тех, кого предводитель не назвал. Круглый камень, выточенный из твердой вулканической породы, чиркнул ее по левой груди, прикрытой кожаным жилетом, и Скарле стало очень больно. Впрочем, было бы еще больнее, если бы она не успела повернуться. Удар в сердце, скорее всего, лишил бы ее сознания.

Второй камень едва не угодил в плечо, третий — чуть не раздробил колено. Скарла уворачивалась, подпрыгивала и вертелась так, что казалось, она стоит на раскаленной сковороде. Предводитель даже слегка улыбнулся и сказал, что для ее возраста она совсем молодец и он гордился бы такой матерью. Сволочь такой... гад!

Долго это продолжаться не могло, еще немного, еще чуть-чуть, и Скарла допустит ошибку — или

потеряет сознание, или не сможет как следует двигаться, а значит, тоже потеряется сознание. И это равносильно ее смерти. Потому она бросилась вперед, выкрикнув родовой клич, с которым некогда нападала на караваны торговцев:

— Хей-яна! Хей-хо!

Охотники попытались набросить на нее арканы — один она отбила мечом, от второго уклонилась и тут же скрестила меч с мечом предводителя, желая умереть достойно, а не под ножом добивающего ее палача. Это был, конечно же, акт отчаяния, абсолютно бессмысленная и бесполезная атака — предводитель владел мечом не хуже ее, а меч его был длиннее в два раза. Кроме того, сзади и с боков у нее стояли соратники охотника, и все, чего теперь хотела Скарла — нанести врагу хоть какую-то рану, а после перерезать себе сонную артерию — до самого позвоночника, чтобы кровь не смогли остановить.

Что случилось дальше, она вначале не поняла. Тот охотник, что находился справа, упал и задержался, Скарле показалось, что из груди у него вдруг вырос цветок. Второй, что слева, разматывающий свой аркан, получил стрелу прямо в глаз, и удар был такой силы, что его снесло метра на два. Степной лук, сделанный с двойным изгибом, бьет с такой силой, что человека может пробить навывлет. Если, конечно, на том нет брони.

Главный охотник мгновенно взлетел в седло, его оставшиеся в живых соратники — тоже. Впрочем, не все. Еще один упал на землю, выпав уже из седла. Остальные пришпорили коней, пригнувшись к их холке, и помчались прочь, совершенно

забыв о той, ради которой сюда приехали. Жизнь дороже!

Скарла оглянулась, пытаясь рассмотреть, кто же это сейчас стрелял, и только секунд через десять сумела заметить, как от бугорка, что позади нее, отделяется фигура, по цвету абсолютно сливающаяся с желто-бурной растительностью степи. А потом еще одна — уже левее первой.

Двое?! Их только двое?! Впрочем, это же степняки, крепкие, сильные, выносливые! И замечательные стрелки из лука — что сейчас и было продемонстрировано.

Через минуту стрелки стояли перед Скарлой, и она смотрела в их лица, выпачканные бурой и черной краской, превратившей молодых парней в каких-то чудовищ из дурного сна. Да, именно молодых — им от роду было не больше семнадцати-восемнадцати лет, и они занимали низшую ступень в иерархии степных воинов. Только-только вступили в Круг воинов, небось еще и насечки на плече не зажили. Но то, что они были очень молоды, ничего не значило. Каждый степняк с рождения учится владеть луком и мечом, и чтобы вступить в Круг, ему надо очень даже потрудиться. Например, попасть из лука в цель за несколько десятков шагов. А цель — размером с человеческий глаз. А еще — выдержать бой на мечах с несколькими противниками — по одному и по несколько бойцов зараз. Не все выживают после таких экзаменов. Эти — выжили. А значит, они настоящие бойцы.

— Ты выкликнула наш родовой боевой клич! — без приветствия, без каких-то других слов сказал тот парень, что стоял впереди. — Мы видели, как ты дралась, но не хотели вмешиваться. Ты одета

как имперцы, но ты крикнула боевой клич Рода Аррас. Потому я решил вмешаться. Правильно ли я поступил? И кто ты такая?

Имперцы удивились бы, если бы их спросили, правильно ли кто-то поступил, вмешавшись в драку и перебив врагов того, за кого он вступился. Однако для степняков это в порядке вещей. Нельзя вмешиваться в бой чужого человека, если тебя не приглашали. Этим ты можешь лишить его чести. Возможно, он алкал славы, победив сразу нескольких противников, а ты ему помешал. И тогда он станет твоим врагом. Или перестанет быть другом, что, впрочем, одно и то же. В Степи.

— Ты правильно поступил, вмешавшись в бой, — тяжело выдохнула смертельно уставшая Скарла. — В юности эти пятеро были бы для меня на один зуб, но теперь я стара, и многое из того, что было для меня легким и приятным, стало трудным и даже невыполнимым. Так что я тебе обязана за мое спасение, ты настоящий воин. А что касается моего боевого клича — как ты уже успел заметить, я родом из Степи. Мой отец... мой дед... мой прадед...

Скарла назвала имена своих родичей, и парни стали негромко переговариваться, отвернувшись от старухи, но посматривая на нее косым взглядом — так, на всякий случай. Первое правило воина — никогда не упускай незнакомца из своего поля зрения. Он может оказаться совсем не тем, кем ты его считаешь.

Посоветовавшись, старший, тот самый, что заговорил со Скарлой, с явным оттенком уважения и даже почтения сообщил:

— Если ты говоришь правду, старуха, то ты приходишься двоюродной тетей нашему Собирателю

Родов, досточтимому Хессару! Я могу узнать твое имя?

— Мое имя — Жара. Скарла! — Старуха невольно выпрямилась, и лицо ее стало торжественным. — Да, я дочь нашего с вами Рода и никогда об этом не забывала!

Она скинула с плеча дорожную куртку, и, увидев татуировку, оба парня издали неопределенный звук — то ли восхищение, то ли возмущение, то ли просто удивление высшей степени.

— Ты воительница! — воскликнул старший и, кивнув в сторону свертка, спросил: — А что это?

— Это моя... моя подруга. — Скарла едва заметно вздохнула. — Она очень больна. Она тоже воительница и получила тяжелые раны. После чего впала в долгий сон. За нами гнались враги — я ушла из рабства и перед побегом убила хозяев. Моя подруга убила еще больше. Она меня защищала. А эти, кого вы убили, — охотники, которые возвращают рабов своим хозяевам. Так что вы нас спасли. Мне бы хотелось встретиться с моим родственником, двоюродным племянником. Это возможно?

— Конечно, уважаемая! Мы сейчас же все вместе отправимся к досточтимому Хессару. Мне кажется, он будет рад обретению такой близкой родни!

— Далеко ехать?

— Полдня пути.

— Мои кони...

— Мы видим. Придется эту лошадь оставить здесь — если Небесный Табунщик над ней смилостивится, она выживет. Вода недалеко. Если нет... такова ее судьба. Этих лошадей мы сейчас отведем к оазису, там вы передохнете, а утром отправимся к Собирателю.

— Хорошо... — Скарла вздохнула и благодарно прикрыла глаза. Ее отпустило. Ноги и руки сразу ослабели и сделались ватными — все-таки ей уже так много лет, что она забыла — сколько. Но тело не забыло, пусть даже оно тренированное и привычное.

Второй парень, все это время молчавший, привел лошадей, на которых не было ничего лишнего — скатка одеяла, худые переметные сумы, запасные стрелы, кожаные бутылки с водой и... в общем-то, больше ничего. Отправляющие в дозор и разведку наряды степняков не обременяли себя ничем лишним. Только самое необходимое, то, без чего нельзя обойтись в Степи. Вода и оружие. Еду можно и нужно добывать самим, как и положено взрослым мужчинам. Да и не настолько необходима еда, чтобы без нее прямо так вот упасть, и умереть. Без воды люди и лошади долго не живут, а без еды люди протянут долгие недели. Лошади же приучены есть все, что растет в этой полупустыне, кроме ядовитых кустов и дерева анкар, под которым в тени нельзя даже спать — капли смолы этого дерева, если попадут на кожу, нанесут такой ущерб, как если бы несчастный выпил яда. Нередко степняки смолой этого дерева отравляют стрелы, которыми засыпают врага. Жаль, что дерево очень редко и найти его трудно. На все стрелы яда не хватит. Да и применять этот яд можно только для боевых стрел — попадешь в дичь такой стрелой, так это мясо есть будет невозможно. Пустая трата добычи.

Оазис оказался совсем близко. Скарла предполагала, что он где-то здесь — она держала в голове карту основных оазисов Степи, как и каждый из степняков, но с годами информация подразмы-

лась, да и погоня не располагает к определению на местности: тут главное — мчаться как можно быстрее, а не сравнивать ориентиры, оглядываясь по сторонам.

Поклажу с павшей лошади переложили на лошадей дозорных (кони убитых ловцов удрали следом за всадниками), в том числе и седло, обобрали трупы ловцов, и небольшой караван двинулся в путь, чтобы через час оказаться под сенью хлипких, избитых пустынными ветрами деревьев, похожих на каркасы изломанных старых зонтов.

Эти деревья росли только здесь, в степи, и это были одни из немногих деревьев, способных выжить в раскаленной духовке, именуемой Степью.

Глинобитный сарай без дверей, и окон, пол в котором утрамбован десятками тысяч ног проходивших и проезжавших здесь путников, кораль для скота и лошадей, утопанный до каменной твердости, и круглое кольцо колодца, закрытого тяжелой деревянной крышкой. Это место свято, и никто не смеет ни ломать ветки деревьев, корни которых тянутся на многие сажени вглубь земли, до самого водоносного пласта, ни портить воду в колодце — единственном на день пути в округности вокруг себя. Если кто-то вольно или невольно испортит воду в колодце, его постигнет неминуемая кара, кем бы он ни был. Этот человек или эти люди будут объявлены в розыск, и молва, пущенная по Степи, настигнет их там, где бы они ни были. Каждый, кто опознает нарушителей водяного мира, обязан по мере сил покарать святотатцев, испортивших воду оазиса. А кара за это одна — смерть.

Вода в Степи — главное богатство. Тот, кто лишает воды, хочет смерти другим людям, а значит,

автоматически становится их врагом. Даже имперцы не осмеливались отравлять колодцы, чтобы нанести вред степным Родам. И случаи, когда колодцы травили, были настолько редки, что память о них хранилась в эпических рассказах, передаваемых из поколения в поколение как пример того, что делать нельзя и какая кара постигает глупых нарушителей.

У оазисов было и еще одно предназначение: если в оазисе встречались заклятые враги, даже те, кто был связан родовой кровной мстью, они прекращали свои распри до тех пор, пока не выйдут из оазиса. Водяное перемирие свято.

Главный из парней, он назвался Стигом, отодвинул тяжелую крышку колодца и стал спускать кожаное ведро, в которое для веса были наложены тяжелые камни. Ведро было сделано из толстой кожи толщиной в палец и за десятилетия (а может, и сотни лет?) стало дубовым, как деревянным. Камни же нужны были для того, чтобы ведро легло на бок и побыстрее утонуло.

Колодец очень глубок, не менее пятисот локтей в глубину. Скарла всегда удивлялась тому, как люди могли прокопать такие колодцы, ползая на невероятной глубине в полной темноте, на ощупь — бесстрашные люди. Но еще удивительнее то, как они смогли определить, что здесь можно докопаться до воды? Ведь то, что здесь растут деревья, еще ничего не значит. Их корням надо не так уж и много влаги, а чтобы вода в колодце появилась в нужном количестве... это надо быть волшебником. Впрочем, говорили, что так именно и есть — водяные колдуны видят через толщу земли и знают, где можно докопаться до водного пласта. За то их и ценят как

самый лучший бриллиант. И как дорогих бриллиантов, водознатцев очень и очень мало.

Стиг дал напитокя Скарле — как старшей и самой уважаемой гостье. Она пила с наслаждением, не обращая внимания на то, как от ледяной воды занули зубы и застонало старое нутро. С трудом заставила себя остановиться — если выпить много, может даже и вырвать. К обильному питью, как и к обильной еде после длительной голодовки, надо приучаться постепенно. Тем более что здешняя вода особая — у нее немного странный привкус. Ученые говорили, что в этой воде растворены многие минералы, и потому она обрела лечебные свойства. Степняки об этом знали, и некоторые колодцы служили для них лекарством от болезней живота или легких.

Следом за Скарлой напился Стиг, за ним — Ораз, парень помоложе. Он занимался лошадьми, разнуздывая и складывая поклажу в сарай. Стиг вылил воду в каменное корыто, которое стояло у колодца, снова опустил ведро и так делал до тех пор, пока корыто не наполнилось почти доверху. Тогда к нему подвели лошадей.

Скарла сама сняла Барбару с носилок и, немного покряхтев, отнесла ее подальше от колодца. Мыться и испражняться возле колодца считалось тяжким грехом, и того, кто такое сделает, ждала как минимум жестокая порка — до кровавого мяса. Потому Скарле пришлось отнести бесчувственную, пованивавшую девушку подальше от глаз степняков. Там она размотала легкую ткань, в которую была обернута Барбара, и начала ее мыть, сливая воду из бутылей, бывших ранее на ее лошадях. В первых, все равно эту воду надо было слить и за-

полнить бутылки свежей, во-вторых, в бутылках вода была почти горячей, лить же на девушку ледяную воду из колодца было бы в высшей степени опрометчиво. Не хватало ко всему прочему получить обычную простуду: ледяная вода на потное тело — это верная дорога к простудным заболеваниям.

— Огх! — услышала Скарла и резко обернулась, готовая к бою. И тут же расслабилась — это были Стиг и Ораз. Парни стояли рядом и во все глаза смотрели на обнаженную Барбару. Для них в ее наготе не было ничего необычного — у степняков не существовало табу на обнаженное тело. Ну что такого — голая девушка? В шатре спят вповалку без одежды, моются тоже вместе, все прекрасно знают, как выглядят голые мужчины и женщины. Так что ничего странного нет, что парней заинтересовало — что за девушка ехала завернутой в ткань.

— Она такая белая! — с оттенком восхищения и даже восторга сказал Ораз.

— И глаза голубые! — кивнул Стиг. — Волосы золотые и такие короткие! Я думал, эта девушка тоже из Степи. Какая странная... я никогда не видел таких женщин!

— Скоро увидим, — хихикнул Ораз. — Скоро Собиратель пойдет войной на Империю! Вот тогда мы сможем иметь таких женщин столько, сколько захотим! Целый гарем из таких красавиц!

— Скорее бы уж, — хмыкнул Стиг. — Заждались!

Скарла посмотрела в лица парней и вздохнула. Дурачки! А кто им сказал, что они выживут в этом походе? Мясо для войны, ее пища, ее кровь... Выживают только те, кто посылает в бой. Эти же гибнут в первом бою, в первых рядах. Но сейчас они об этом не думают. Перед глазами — груды сокро-

виц и толпы таких вот прекрасных девушек. И убедить их в том, что все не так уж и радужно — невозможно.

Впрочем, Скарла этого делать и не собиралась. Каждый должен получить то, чего он заслуживает. То, что ему послал Небесный Покровитель.

Глава 3

Глаза едва заметно светились в темноте, шагов совершенно не было слышно. Зверь сливался с темнотой тоннелей так, будто сам был сгустком тьмы. Когти не цокали по старому камню, они втягиваются в подушечки, мягкие, гладкие и упругие. Но если нужно — в момент вылетят из укрытий и вонзятся, пронзят тело врага!

Чу! Кто это там шагает в темноте?! Точно — это враг! Уничтожить! Убить этого негодяя, забравшегося в дом!

Шаг, еще шаг... короткая перебежка... застыл. Застился.

Враг все ближе, ближе... Тело все дрожит, налитое энергией, каждая мышца готова к бою! Хвост вытянут назад, как противовес! Еще шаг! Еще!

Прыжок! Попался, враг!

* * *

— Ты скоро будешь меня с ног валить, злой котейка! Ну нельзя же так! В тебе весу знаешь уже сколько?! Соображай, чего делаешь! И не надо мурчать, не надо слюнявить! Не люблю тебя!

— Любишь! Я знаю.

— Вот нехорошо читать мысли, — ворчу я, невольно ухмыляясь. — А если у меня в голове что-то тайное? Чего тебе не положено знать!

— Нет у тебя в голове тайного, — звучит в голове ехидный голос кота. — Что ты хочешь от меня скрыть?

— Ничего не хочу, — фыркаю я. — Слишком ты быстро развиваешься, как я посмотрю. Рассуждаешь как взрослый. Откуда у тебя чего взялось-то?

— Из твоей головы. Я знаю все, что знаешь ты. Помню все, что знаешь ты. Мы ведь с тобой братья!

— Хмм... — теряюсь я. — Я человек, а ты кот. Разве мы братья?

— А что такое человек? Только тот, кто ходит на двух ногах? Я много думал, брат... пока тебя нет, мне больше нечего делать, кроме как думать. И вот что я понял... тот, кто сумел понять, что он человек, — тот человек.

— Что-то ты меня запутал, — вздыхаю я. — Человеком принято называть такого, как я. Ходящего на двух ногах и обладающего речью. Вот этого понятия и надо придерживаться. А то завтра ты каких-нибудь осьминогов причислишь к людям!

— А почему нет? Если осьминоги думают?

— Давай сменим тему, мой угольный брат, — хмыкаю я. — Эдак ты меня заведешь в такие философские дебри, что... в общем, не хочу я на эту тему. И не надо выражать такое неудовольствие! Я все чувствую! Потом как-нибудь поговорим! Я и так с тобой часами разговариваю, а ты в это время в моем мозгу копаешься. Нехорошо, между прочим! Я разве давал тебе разрешение копать у меня в голове?

— Но я же твой брат. Я никогда не сделаю тебе ничего плохого. Я умру за тебя, если понадобится. И... я просто не могу не быть у тебя в мозгу. Мы с тобой одно целое! Я чувствую тебя на большом расстоянии. Не знаю, на каком, но чувствую. Только когда ты отходишь далеко, я тебя теряю. А так... ты всегда со мной. А хочешь побыть мной?

— Это как? — теряюсь я, и вдруг... в нос мне бьют десятки, сотни запахов! Я чувствую запах самого себя — запах пота, кожи сапог, масла, которым пропитана эта кожа, запах утреннего мыла, которым мылся, еды, которую ел.

А еще — мир становится светлее. Все-таки кошки и вправду видят в темноте практически как днем. Даже я со своим мутировавшим зрением вижу в темноте хуже.

Я-кот зеваю и провожу когтями по камню тоннеля, оставляя едва заметные царапины. Когти у меня совсем не котовые, острые и твердые, как стальные. И это еще одно отличие от обычного кота.

И возвращаюсь в свое тело. Забавно! Это что, я могу видеть мир глазами кота?! Уго, ты крут!

— Да, я крут! — слышу в голове смешок. — Ты мне принес поесть? Почему ты не пускаешь меня на волю? Я бы хотел побегать снаружи! (Картинка — веселящийся, кувыркающийся черный кот.)

— Уго, брат мой... я боюсь, что, если тебя заметят, начнутся разговоры... а если вдруг кто-то увидит, как ты выходишь из тоннеля... в общем, подожди пока, ладно? Опять же, я боюсь за тебя. Вдруг кто-то тебя попытается убить? (Картинка — кот, лежащий на земле с кучей стрел в боку.) Ты мне очень дорог. Ты единственное существо в этом

мире, которое... в общем, ты единственный мой друг. И брат. Если с тобой что-то случится, я буду сильно расстраиваться.

— А ты убьешь тех, кто меня убил? (Любопытство, живой интерес.)

— Тьфу! Я даже говорить об этом не хочу! Убью. Но тебя-то это не вернет!

Смешок. Здоровенная туша прыгает мне на колени, лапы ложатся на плечи, а мокрый нос тычется в лицо. Я хихикаю, утираюсь, а этот мурлыка включает свою тарахтелку — громко так тарахтит, на всю комнату!

В нем сейчас килограммов шестнадцать весу, не меньше. Пуд, а то и больше. За последний месяц Уголек, или Уго, развился так, что мне стало немножко... жутко. Физически развился и умственно. Он много ест, очень много — мне приходится оправдываться перед кухней, куда я деваю сырое мясо, а уж сколько я его дерьма вытащил... Если некто много ест, значит, он и много... понятно. Сам он выносить не может, значит, быть говночистом судьба моя. Одна из комнат тоннеля выделена под содержание Уго, так вот она настолько провоняла кошатиной, что я уже боюсь, как бы миазмы не достигли нюха обитателей замка. Ведь тоннели не герметичны, они связаны с общим пространством замка многочисленными отверстиями вентиляции — очень маленькими, незаметными и большими, проходящими по верху стен.

М-да. А насчет того, чтобы гулять ночью... правда, почему бы ему не погулять ночью? И дерьмо за ним убирать не нужно...

— Да, да! — врывается в мозг грохочущий голос Уго. — Гулять! Я хочу гулять!

— Ладно, — вздыхаю я, выбирая меньшее зло. — Мы с тобой договариваемся, что ты идешь гулять — но только ночью, когда уже темно. Выходишь через проход возле реки и всегда его за собой запираешь. Ни под каким видом ты не выдаешь свое присутствие. И вот еще что: не трогать домашний скот людей! Ни кур, ни поросят, ни баранов!

— Уток тоже нельзя и гусей, — добавил уже на всякий случай. — Если хочешь поохотиться, ловишь диких зверей. Зайцев там или куропаток. Все понятно?

— Понятно! — уменьшает громкость «звука» Уго.

— Да, кстати... все свои грязные делишки делаешь снаружи, — спохватываюсь я. — Мне как-то уже давно не нравится моя должность говночиста.

— Брат, я тебе говорил, что хочу гулять! Но ты был против! — явственно хихикает кот, и желтые его глаза щурятся в темноте. — Сам виноват!

Ну да, ну да... когда полтора месяца назад он освободился из своей комнаты и начал меня разыскивать (видите ли, скучно ему стало!), я чуть не обделался — зверина скакнул мне на грудь в тот раз, когда я в очередной раз проник в тоннель. Да любой на моем месте помер бы со страху — знаешь, что тут никого нет и быть не может, и вдруг из темноты выскакивает на тебя зверина со светящимися глазами! И прямо на шею. Обслюнявил тогда меня — еле оттерся. Обрадовался, понимаешь ли...

Ох, грехи мои тяжкие... что я сотворил?! Ведь категорически запрещено поить животных магическими снадобьями, развивающими их интеллект! И я понимаю причины запрета. Страшно! Ну только представить пантеру, обладающую разумом

и абсолютно лишённую человеческих запретов. Я читал о таких зверях, которые нет-нет да и объявлялись где-нибудь в джунглях юга. И тогда это была настоящая беда. Они уничтожали скот, а если люди пытались им помешать, то и людей. И делали это с невероятной хитростью и умением. Если зверю дать человеческий разум, он не станет человеком, он лишь станет очень умным, но... зверем.

Уго? Уго как раз исключение — он каким-то образом умудрился установить ментальный контакт с моим мозгом.

Когда кот впервые со мной заговорил — я был ошеломлен не менее, чем тогда, когда он бросился на меня из темноты и обнял своими когтистыми лапами. И самое главное, что меня потрясло — это то, что он свободно копался у меня в мозгу и знал практически все то, что я знаю.

Обнаружил случайно, в наших с ним разговорах. И когда Уго так просто, между делом сообщил, что может читать мой мозг, я офигел. Нет, это не то слово — тут только матерно можно сказать. И вот тут я впервые пожалел, что провел над ним этот эксперимент. Фактически усложнил жизнь и кошке, и мне самому. Что бы мне не ограничиться обычной лечебной магией? Что меня подвигло влить ему в пасть это снадобье, а потом еще и усилить его магией? Экспериментатор хренов...

Впрочем, после здравого размышления во мне разыграл не только научный интерес, но еще и возникло чувство облегчения. Ведь и на самом деле единственный... хмм... нет, не человек... единственное существо, которому я тут мог верить, — это был Уго. Что бы там ни говорили про кошек, мол, они благодарные и ходят сами по себе... нет, это

не совсем так. Да, они самостоятельные, да, они свободолюбивые, но я знаю, доподлинно знаю — многие из кошек любят своих хозяев, искренне и безгранично. И готовы за них сражаться.

Помню, читал про ленинградского кота Василия, которого и Васькой-то назвать язык не поворачивается. За счет него во время блокады выжили мать с дочкой. Он ловил и приносил им крыс, а они варили из крыс супчик. А еще — ловил голубей и ворон. Сам их загрызть не мог, он, как и люди, был слишком истощен, но держал, пока прибегала хозяйка и сворачивала шею голубю. Они его очень берегли, носили на руках — боялись, что Василия убьют и съедят голодные люди. И вот так пережили блокаду. А когда кот умер, уже совсем старым, его похоронили в могиле рядом со всей их родней. И написали на памятнике: «Василий...».

У меня, когда я это читал, глаза щипало, а я увидал всякое.

Кошек, котов всегда любил. Когда я был маленьким, в семье у нас жил кот Митька — черный с белыми лапами и белой «манишкой». Он ужасно любил смотреть, как мы с отцом возимся во дворе по хозяйству. Сидел, смотрел, щурился. И один из немногих котов, что подходили на улице и позволяли себя гладить хозяевам.

Он погиб, задавленный машиной. Попал под колеса. Говорили, видели, что якобы водитель был пьян и ради развлечения постарался задавить кота. Ну просто так... от нечего делать. Я рыдал, когда отец его хоронил.

Уже будучи в возрасте, я хотел завести кота, и не одного, но... так и не решился. Здоровье-то у меня было неплохое, но... коты живут достаточно долго,

12, 14, 16 лет. А мне уже много лет. Если я умру, куда пойдет кот? Выбросят на улицу вместе с моим старым шмотьем? Кому нужен старый кот... Мы в ответе за тех, кого приручили — это я помнил с самого детства.

И вот теперь у меня появился кот. Или я у него? Тут вопрос сложный. И кстати, как нам жить дальше, я даже и не знаю. Он выполняет то, что я ему говорю потому... хмм... честно сказать, не знаю, почему. Почему он это делает?

— Потому что я — это ты, братец! — хихикает Уго. — Ты уверен, что так надо делать, а значит, это так и есть.

— Стоп! — столбенею я, только сейчас поняв, что сказал мой четвероногий брат. — Как это так, «я — это ты»?! То есть, если следовать твоему посылу, ты...

— Нет, я не совсем ты, — снова хихикает Уго. — Я взял твою память, взял твои знания, а ты сам как-то говорил, что человек состоит из его памяти, из его жизненного опыта. И значит...

— Так вот почему ты называешь меня братом, — усмехаюсь я. — Ты моя копия! Ты скачал у меня часть моей личности, и... постой, а кем ты себя ощущаешь? Максимом Фроловым? Или все-таки ты Уго?

— Я Уго. Но если покопаться в памяти, я помню многое из того, что помнишь ты. Так что я тогда?

— Уго Фролов. Мой брат! — ухмыляюсь я еще шире. — Вот ни хрена себе! Обрел братца на старости лет!

В ответ смешок, и больше ничего. А что еще можно сказать? Кстати, а может попробовать его легализовать? Ну а что — пусть у кладовщика живет

черный кот. Ну что тут такого? Большой? Так коты всякие бывают. И большие — тоже. Черный? Да мало ли черных котов живет в мире! Один из десятка — точно. Или один из двадцати. Ну не знаю я точного процента, только их много, черных котов. Если Уго не станет на глазах у людей уходить в стену или пытаться с ними разговаривать, то... стоп! А ну-ка...

— Уго, а ты можешь разговаривать с другими людьми?

— Нет. Только с тобой.

Ффухх... даже почему-то легче стало! Вот бы он поговорил с кем-то еще... тут же бы набежала инквизиция! Перевернули бы замок вверх дном в поисках колдовского чудовища! Кстати, у инквизиторов есть свои боевые маги, и очень даже умелые. Спят на месте, как головешку.

— Но я могу слышать, как они думают, — вдруг снова заговорил Уго, и я чуть не вздрогнул от неожиданности.

— Что?! Слышишь, как они думают?! — переспросил я, не веря своим ушам.

— Брат, я же сказал, — укоризненно ответил кот.

Странно. Как я могу чувствовать его эмоции? Вернее, так: как я могу понимать, какие эмоции заложены в его слова? А ведь понимаю!

Первое время мне было очень трудно с ним общаться. И он не умел сконцентрировать мысли в слова, и я этого не умел. Не так просто разговаривать мысленно. Нужно облекать мыслеобразы в слова и слова в мыслеобразы. Теперь и у меня, и у кота это происходит одновременно — будто смотришь картинку-комикс и читаешь подпись под ней. Но на это понадобились долгие недели трени-

ровок. Кстати, коту умение далось легче, чем мне. Наверное, потому, что его мозг не был забит всякой чепухой на тему «Такого не может быть!». Уго воспринимал все так, как оно есть. Он может со мной говорить — ну и хорошо! Почему нельзя говорить мысленно, если не можешь говорить так, как это делают люди? Нормальное явление — обмен мыслями.

Для него нормальное, а для меня... мне это было трудно. Очень трудно. Но я научился. Еще бы научиться закрывать свой мозг от его сознания...

— Зачем, брат? Почему ты стесняешься своих мыслей о сексе? Ведь в них ничего постыдного нет! И не забывай — я, это ты. Я все помню.

— Иногда просто хочется побыть одному, — признаюсь я. — Есть такие вещи, о которых даже брату не хочется говорить. Понимаешь?

— Честно сказать — нет. — Уго вытянулся на полу во весь свой немалый рост и, прогнув спину, потянулся. — Вот этого я у вас, двуногих, понять не могу. Напридумали себе запретов и сами потом их преодолевают. Но да ладно. Пойду-ка я посплю, а ночью буду гулять. Только я к драконьим яйцам не пойду. Они мне спать мешают, в голову лезут.

— Что?! — не поверил я тому, что «услышал». — Как это яйца в голову лезут?! Ты вообще о чем?

— Ну... они живые. — Кот поднял голову с пола и взглянул мне в лицо желтыми глазами и сощурился. — Живые. Они все время что-то бормочут, бормочут...

— Бормочут?! — тупо переспрашиваю я и вытаращиваюсь на кота так, что он вдруг подскакивает и прижимается к полу, вздыбливая шерсть на загривке. — Какого черта ты молчал?! Почему ни разу не сказал об этом?!

— Брат... ты меня не спрашивал. — Уго явно ошеломлен моей реакцией и даже слегка напуган. — Ты почему так возбуждился?

— Это же драконы! Драконы, понимаешь! Я думал, яйца мертвы! Думал, драконы исчезли! А ты вон что говоришь! И так спокойненько, как что-то совсем очевидное! Неужели в моей памяти нет того, как я мечтал найти драконов?!

— Брат... мне было неинтересно про драконов. Зачем мне драконы?

— И правда... зачем тебе драконы. Прости, Уго, я разволновался. Скажи, а ты можешь их... ну... выпустить? Или спросить у них — как их выпустить из яиц?

— Выпустить? — спрашивает кот недоумевающим. — Как это выпустить?

— Я что-то не понимаю? Или ты не понимаешь? Хорошо. Попробую сказать по-другому: как мне сделать, чтобы вместо яиц получились драконы.

— Брат... я правда не понимаю! — мыслеголос Уго стал растерянным. — Покажи мне картинку, что ты хочешь!

Показываю: драконы бегают, прыгают, летают.

— А! Вон что. Брат, яйца и есть драконы. Только они спят. Им снятся сны, как нам, людям. Во сне они бормочут и лезут в голову. Даже голова начинает болеть! Понимаешь?

— Ах вот оно что... — внезапно врубаюсь я. — Яйца — это окуклившиеся драконы. То есть нет никаких яиц, а есть драконы, которые пребывают в некоем состоянии. Правильно я понимаю?

— Правильно, брат! — Голос обрадованный. — Мне не хватает слов и знаний, чтобы тебе рассказать. А сейчас все правильно!

— Ты знаешь, как их выпустить? — вкрадчиво спрашиваю я и затаиваю дыхание, будто перед дичью, которую нельзя спугнуть.

— Драконов? — уточняет Уго, и, не выдержав, я рывкаю:

— Да ну кого же еще?! Уго, мы о чем говорим?!

И тут же спохватываюсь, кот очень обидчив. Он же кот.

— Прости... мне эта тема очень интересна, переживаю.

— Я чувствую, — говорит Уго, и по его «голосу» я ощущаю, что он все-таки слегка обиделся. Он не великого ума существо — пока что. Ему от роду всего несколько месяцев. И то, как он развился за это время — просто волшебство. На самом деле — волшебство. Без него ничего бы не получилось. Кстати, интересно, а как ему размножаться? У котов инстинкт размножения такой, что... будет бегать, кошек местных дрючить. Если сможет, конечно. Но они-то мелкие! Интересно, как он их воспринимает? Они же безмозглые. Это будет похоже на то, как если бы человек сожительствовал с обезьяной — ну так, от безысходности и потому что инстинкт требует.

— У меня пока нет желания размножаться, — вдруг врывается в сознание Уго. — Но вообще твои мысли отвратительны. И печальны. Мне грустно. Ты мне создашь подругу?

Вот это вопросам вопрос! Если я сделаю Уго подругу, подобную ему, какие у них будут дети? Если такие же умные магические животные, как Уго, или как их мать — эдак их потомство заполонит весь мир, и в конце концов разумные коты решат, что человек годен только на то, чтобы... ухаживать за

ними, котами. Лишних людей надо убить или охолоstitь, а остальные пусть готовят пищу и убирают. А если дети Уго будут обычными котиками, не будет ли это для него потрясением? Обидно, если у тебя, такого умного, рождаются глупенькие дети. И в том, и в другом случае — опасная ситуация. Нет, брат Уго... я не создам тебе подругу, прости.

— Ты плохо обо мне думаешь, брат! Я никогда бы не поднял на тебя лапу!

— А на других, Уго? На чужих? Люди убивают кошек, издеваются над ними, стерилизуют, хмм... не спрашивая разрешения. Почему бы тогда разумным котам этого не делать по отношению к людям? Извини, но я не хочу быть тем человеком, который уничтожит цивилизацию людей. Ты думаешь, почему Инквизиция запрещает такие опыты? Именно потому и запрещает. Человек не потерпит рядом с собой разумных существ, равных ему или превосходящих по уровню развития мозга. И обязательно попытается их уничтожить. Как, впрочем, и любая цивилизация.

— Я не понимаю, брат. Чувствую, что ты веришь в то, что говоришь, но не понимаю. Может потом стану умнее.

— Оставим эту тему, — говорю и в душе жалею, что стал думать о том, что... думал. Он ведь еще котенок! Да, по меркам котового племени ему сейчас... лет шестнадцать, наверное. То есть вроде бы и соображает, но не совсем так, чтобы не совершить какую-нибудь глупость.

— Давай о драконах. Я хочу их выпустить. Или... не знаю, как это назвать, в общем, хочу, чтобы вместо яйца встал дракон. Ты можешь мне в этом помочь?

— Как, брат?! Каким образом?! Я же тебе сказал — они бормочут, что-то говорят, но я ничего не понимаю! Это с тобой мы можем говорить, и других людей я понимаю... но эти... ты их называешь драконами — они бормочут что-то непонятное! Я их не понимаю!

М-да. Все-таки придется снова искать в библиотеке информацию о драконах. Вчера чуть ногу не сломал — полка подломилась, и я с нее навернулся. Почти так же, как тогда, когда я вселился в Альгиса. Вот было бы дело, если бы я вот так же сверзился! У меня там в склепе папаша с сестрой лежат в мертвом сне, а я бы отправился на перерождение. Негоже так! Кстати, что делать с сестрой? Папашу трогать нельзя, он сейчас тут такую бучу устроит, все планы мои нарушит, но сестра?

С ней тоже не все просто. Вернее, все непросто. Если я ее разбуду, придется рассказать ей обо всем, что случилось — о смерти наших братьев, о заговоре, о смерти отца. Как она отреагирует? Может и с ума сойти! А оно мне надо? Опять же, как объяснить людям, что Наследница Клана жива? Все видели, что она умерла.

Ох, нет... пусть пока полежит в склепе. Воздуха ей хватит на ближайшие пятьдесят лет, крысы до тела не доберутся — саркофаги прочные, каменные. Пусть лежит себе спящая царевна и не знает, что у нее над головой проносятся такие страсти. А я постараюсь не помереть. Оживлю когда-нибудь...

— Ты помнишь комбинацию нажатий?

— Конечно, помню, брат! — радость, счастье. Понимаю его: сидеть в пыльных тоннелях без выхода на волю — взвоешь!

— Помни! Никто не должен знать о тоннелях, никто не должен тебя увидеть! Кстати, если ты услышишь мысли человека, который против меня злоумышляет, расскажи мне потом. И покажи его. Договорились?

— Конечно, брат! Я — это ты!

Я хмыкнул, наклонился и погладил огромную лобастую голову кота. Я его люблю. Он такой гладкий, такой чистый, такой... сияющий! Как черный бриллиант. Как главное мое сокровище в этом мире!

— Мррр... спасибо, брат! Я тоже тебя люблю! Мррр... мррр...

* * *

Вот вспомни дерьмо — и тут оно! Когда я объявился в замке, выйдя на свет из тоннеля, обнаружил во дворе замка целый караван из двадцати лошадей. Как оказалось — прибыл новый наместник Клана Конто, назначенный Императором. А еще — инквизитор с тремя подручными для расследования таинственных смертей в нашем замке. С наместником его охрана, две наложницы, одна белая как снег, вторая чернокожая, а также секретарь, мужчина лет сорока, худощавый, бледный, будто век не видел солнечных лучей. И в высшей степени опасный. Почему опасный? Потому что он маг. Маг, который работает в свите наместника под видом секретаря. А зачем магу прятаться под чужой личиной? Уж точно не для того, чтобы раздавать плюшки аборигенам. Расследование ведут, без всякого сомнения.

Кстати, все инквизиторы тоже были магами, только слабыми, гораздо слабее даже меня, не-

способного бросаться огненными шарами и всякое такое. Но у инквизиторов, насколько я помню, была своя фишка колдовства: они умели добиваться правды от преступников, воздействуя на них ментальным ударом, а еще — у них в Ордене развивали способности борцов с всевозможной черной нежитью — наподобие того призрака, которого я упокоил в оружейной комнате Предтеч. Свои тайные заклинания, свои способы вычислить места с концентрацией умертвий — в общем, некогда этот самый Орден неплохо помогал людям выживать, когда призраками и умертвиями земля была засеяна, как земной пасхальный кулич изюмом. Ну а когда нечисть искоренили, инквизиция переключилась на людей — надо же как-то оправдать свое существование. И с какого-то времени из организации, помогающей людям, превратилась в некое подобие гестапо, помогавшего власти держать подданных в узде. Неприятная организация, и люди там служат неприятные. Добра от них точно ждать не стоит.

Глава 4

— Неприятный замок! — Инквизитор третьего ранга Силван Масар окинул взглядом громаду приближающегося здания. — В таких замках нечистой силе только и селиться!

— Нечистая сила ныне предпочитает селиться в головах людей, — чуть скривив тонкие губы после недолгого молчания, прокомментировал инквизитор-следователь второго ранга Геррард Мосс. — Люди заражены Темным! Дурацкие идеи, дурацкие

мысли, дурацкое поведение — все из-за чего? Из-за того, что в них вселяется нечистая сила! Она и руководит их мыслями, их поступками! И мы должны искоренять эту нечистую силу! Даже если придется выжечь ее из головы одержимого каленым железом!

Они помолчали, и Масар утвердительно кивнул, глянув на третьего инквизитора, здоровенного, со шрамом на щеке мужчину лет сорока. Специалиста по допросам, умевшего выудить информацию из самого что ни на есть убежденного, фанатичного поклонника нечистой силы. У него сознавались все. Он умел допрашивать так, как никто другой. А здесь, похоже, работы ему будет выше головы — убиты наместник Императора, его ближайший помощник и еще несколько человек, и самое главное — никто ничего не видел, ничего не знает, все случилось в запертой комнате. Это верный признак нечистой силы! И кому как не инквизиции разбираться с этим преступлением. Если понадобится, они поставят на уши весь гарнизон этого проклятого замка, допросят всех его людей! Выжигать нечистую силу нужно тогда, когда она еще не распространилась по всей Империи! Дело очень важное — не зря сюда направили лучшую бригаду инквизиторов. Как сказал Глава Ордена — по распоряжению самого Императора. Дело у него на контроле.

Вблизи замок оказался еще более давящим, огромным, тяжелым, чем виделось издали. Его могучие стены, которые невозможно пробить даже камнеметными орудиями, способными метать бульжники в половину человеческого роста размером, возвышались над землей на два десятка

человеческого роста, и по ним ходили стражники. Ров вокруг замка сейчас был сух, и на дне его виднелись вкопанные острые колья, на которые напорется тот, кто попытается переплыть ров во время штурма. Заполнить ров водой совсем не долго — по специальному каналу, ведущему от реки.

Дорога, ведущая к замку, была старой, как и сам замок — сделана в незапамятные времена и так искусно, что ее не смогли повредить и ломовые извозчики, бич и проклятие всех имперских дорог. Они своими тяжеленными повозками превращают тракты и городские улицы в изрытые колдобинами проселочные дороги, выбивая из покрытия булыжники и мешая подушку дороги с жидкой грязью, возникающей после дождя. Давно уже ходят разговоры, что ломовиков следует запретить и установить ограничение на вес, который возчик имеет право перевозить в своей повозке. Но дальше разговоров дела не идут — ломовики всем выгодны, они перевозят основную часть грузов, а начини возить эти самые грузы обычными повозками — встанет в три раза дороже. А кроме того, если дорога цела, как получить от Империи заказ на ремонт дорожного покрытия? А на этом живут несколько влиятельных кланов, поделивших между собой дорожные работы в Империи.

Следователь оглянулся на повозку наместника и невольно скривился — паскудный, заносчивый сынок одного из советников Императора, этот придворный петух считает себя очень умным и знающим руководителем и рассчитывает из кресла управляющего Кланом Конто прыгнуть куда-нибудь повыше, в столицу. А еще — как следует повеселиться подальше от родительских глаз.

Он даже сюда взял с собой двух своих любимых наложниц — одну белую как снег северянку, другую — чернокожую южанку, с которыми и проводил все время в дороге. Рыхлый, лощеный, считающий себя неотразимым и одновременно глупый как пробка — только идиот мог отправиться сюда в такое время. Если бы не приказ Главы Ордена, следователь ни за что бы сюда не поехал. По достоверным сведениям, нашествие Степи начнется в самое ближайшее время — месяцы, а может, даже и недели. В принципе в замке определенно можно будет отсидеться — его стены практически неприступны, — но сколько времени придется отсиживаться? Месяцы? Годы? Запас продуктов в замке не вечен, а степняки, по слухам, откуда-то притащили и дельных инженеров, способных создавать метательные машины, а также подкапываться под стены крепостей. Этому придурку сейчас следует мчаться обратно в столицу, моля о том, чтобы ветер как следует раздул паруса его галеры, а не тащиться в угрюмый замок, в котором еще неизвестно что их всех ожидает. И скорее всего, ничего хорошего не ожидает. Следователь обладал великолепным чутьем на неприятности.

* * *

— Ты мастер над оружием? Ты замещал управляющего? — голос молодого человека надменен и сух, как и полагается чиновнику, распекающему своего подчиненного. — Указом Императора теперь я здесь управляющий и наместник. Мое имя Лоран Симфол Аюган, наследник Клана Аюган, потомственный дворянин. Я жду от тебя отчета по

хозяйственной деятельности Клана, а также отчета по состоянию отношений с вассалами Клана. Сколько времени тебе нужно, чтобы составить отчеты?

— Нисколько, — так же сухо и надменно ответил Кендал Оуг, Мастер над оружием. — Я совсем недолго пробыл управляющим и практически никакой информации о состоянии отношений с вассалами у меня нет. Как и о хозяйственной деятельности. Все книги учета пропали, и куда их спрятал прежний управляющий, я не знаю.

— Не знаешь... — протянул новый Глава Клана. — А если тобой займется инквизиция, тогда ты вспомнишь, куда делись книги?

Кендал внимательно посмотрел в глаза новому наместнику, пожал плечами:

— Мне сдать свой пост? Вы назначите нового Мастера над оружием?

Наместник слегка растерялся, задумался. После короткого раздумья, выдал:

— Пока что нет. Вначале надо провести расследование, а уже потом я приму решение...

— Решение? — усмехнулся Кендал. — Так вы тогда примите его побыстрее, потому что вам надо будет организовывать отражение набега Степи. Уверен, что такой опытный человек, как вы — а неопытного к нам бы не прислали, — быстро решит вопрос с обороной замка от двухсоттысячной армии степняков.

— Какой армии?! — растерянно спросил наместник, и лицо его слегка побелело.

— Обычной армии, — пожал плечами Кендал, — на конях. За ними следом идут фургоны, на которых степняки собираются вывозить награбленное.

Так что советую побыстрее решить вопрос с обеспечением замка продуктами, стрелами, людьми для защиты стен — нынешнего гарнизона наверняка не хватит для того, чтобы оборонить весь периметр. Степняки умеют воевать — влезут и вырежут всех стражников. Нам здесь нужно как минимум в три раза больше воинов, чем сейчас имеется. А я отправлюсь в отставку. Так что вам не нужно думать — отставлять меня или нет. Я сам принял решение уйти. Конечно же, после допроса в инквизиции. Желаю вам удачи, господин наместник. Не в добрый час вы сюда приехали, не в добрый. Интересно, кто же это вас так подставил? Впрочем, простите, это не мое дело. Я забылся.

Кендал повернулся и вышел из комнаты, улыбаясь себе под нос, а бледный наместник остался сидеть, откинувшись на спинку и глядя куда-то на череду отдушин, идущих по верху, под потолком.

Так он сидел минут пять, потом ударил кулаком по столешнице и простонал:

— Проклятый дядюшка! «Это твой шанс! Ты можешь сделать карьеру!» Старая сволочь — тебя бы под мечи степняков!

Он посидел еще с минуту, потом цокнул языком и опять же вслух сказал:

— А может, врет? А может, все не так плохо?

Вскочив с кресла, наместник почти побежал к двери, распахнул ее и выскочил в коридор. Через несколько минут он уже ворвался в комнату, предназначенную следователем для допросов.

Следователь-инквизитор был не один. Перед ним на стуле сидела красивая заплаканная девушка из числа кухонной прислуги, и следователь стоял над ней, нависая всей своей длинной худой фи-

гурой, и что-то грозно вопрошал. Когда наместник появился в комнате, инквизитор едва заметно скривился, но почтительно поклонился, помня о высоком статусе вошедшего — пусть даже тот и был абсолютным болваном.

— Почему мне не сказали о том, что Степь собирается в набег? — без предисловий и не соблюдая никаких манер, выкрикнул наместник. — Почему меня не предупредили?

— Выйди и жди в коридоре! — приказал следователь девушке и, дождавшись, когда та выскочит в коридор, посмотрел на гостя.

— Простите, господин наместник... удивительный вопрос! — с явной насмешкой ответил инквизитор. — Разве вы, принимая предложение стать наместником Клана Конто, не выяснили обстановку на этом участке границы Империи? Этого просто не может быть! Вы, человек смелый и опытный, конечно же, все узнали раньше нас, а теперь просто шутите, задавая такие вопросы! Поздравляю, у вас замечательное чувство юмора!

Наместник покраснел, его пухлые щеки покрылись красными пятнами, а на лбу, не обезображенном ни одной морщиной, выступил холодный пот. Оно и понятно — хоть в замке и было прохладно, но на улице жара! Можно сказать — пекло! Наверное, не успел остыть.

— Знаю, конечно, — дрогнувшим голосом объявил наместник и тоном пониже спросил: — Посоветуйте, что делать? Вряд ли мы сможем противостоять объединенной Степи! Мне кажется, нужно передислоцироваться в столицу и уже оттуда заниматься обороной границ!

Следователь едва сдержал улыбку, даже отвернулся, чтобы наместник не увидел. Тот, конечно же, дурак, но дурак со связями, а дураки еще, ко всему прочему, обычно очень мстительны. Запомнит, что над ним посмеялись, и при случае отомстит. А оно ему надо? Никому не надо.

— Уважаемый наместник, — инквизитор напустил в голос как можно больше пафоса и важности, — вы вправе решать, как поступить, вы ведь здесь наместник, а значит, ваше решение главное. Если считаете, что оборонять город и замок лучше всего из столицы — кто вас сможет переубедить? Вам виднее, вы главный! Мы же, в свою очередь, попробуем завершить расследование до того, как первые отряды степняков появятся у стен замка, а завершив, отправимся в столицу, ибо наша миссия будет закончена. Пока что инквизиция не может просто так покинуть этот погрязший в грехе и черном колдовстве замок!

Наместник затравленно посмотрел на инквизитора, и во взгляде его прочиталась такая бесконечная тоска, такая безнадега, что инквизитору снова стало смешно. И снова он удержался от улыбки. За что себя тут же похвалил. Нет, нельзя с этим недоумком портить отношения!

— Я отправляюсь обратно в столицу! — отдуваясь, объявил наместник. — А вы как хотите. Придут степняки — может, тогда их допросите на предмет черного колдовства?

Наместник вдруг захохотал, довольный своей шуткой, а инквизитор отвернулся, чтобы скрыть презрительную гримасу, невольно выразившую отношение к этому петуху и его тупым шуткам.

— А кого оставите вместо себя, господин наместник? — вкрадчиво осведомился инквизитор. — Кто-то ведь должен обеспечить защиту замка.

— Да кого оставлю... кто был наместником, тот им пусть и остается. Тем более что скоро это место освободится!

Он снова хохотнул и вышел из комнаты. Инквизитор остался сидеть в самом что ни на есть мрачном расположении духа. И правда — может, ему тоже отсюда уехать? Задумался. Через несколько минут пришел к выводу — да, уезжать надо, и побыстрее, но только после того, как они все-таки разберутся, что же произошло в этом замке. Тут просто-таки воняет изменой и черной магией!

Следователь подошел к двери, открыл ее, взглянул, махнул рукой заплаканной девушке. Она боязливо протиснулась мимо него в комнату и застыла посередине, опустив взгляд к полу. Инквизитор прошел на свое место, сел, посмотрел на допрашиваемую остро, будто подозревая ее во всех грехах. Та сжалась, сгорбилась, и видно было, что еще чуть-чуть, и девушка свалится без чувств. На вид ей лет семнадцать, не больше — самый возраст расцвета, когда уже не ребенок, уже зрелая девушка, но при этом сохранились остатки детской чистоты. Впрочем, какая чистота в наше время? Девчонки становятся шлюхами чуть не с колыбели! Да... нет в мире чистоты, а женщины — сосуды греховные. Вот эта выглядит сущим ангелом, глазки тарацит, как овечка. А вдруг в ней сидит демон? И это она убила и управляющего, и кладовщика!

— Разденься! — вдруг командует инквизитор. — Быстро! Снимай одежду!